

рижскихъ школахъ. Графъ де Монфоръ назначилъ его настоятелемъ коллегіальной церкви канониковъ св. Викентія. Тамъ познакомился онъ съ Доминикомъ и, увидѣвъ его однажды приподнятымъ надъ землею во время экстаза, всецѣло отдалъ ему себя. Онъ основалъ въ Парижѣ знаменитый монастырь св. Іакова. Его останки покоились тамъ недалеко отъ алтаря, у подножія того сѣдалища, которое занималъ онъ въ качествѣ настоятеля.

Бертранъ изъ Гаррига, названный такъ по мѣсту своего рожденія, маленькому мѣстечку въ Лангедокѣ, близъ Алэ, былъ человѣкомъ удивительно строгой жизни. Доминикъ посовѣтовалъ ему однажды больше оплакивать грѣхи другихъ людей, чѣмъ свои собственные. Онъ поручалъ ему управленіе церковью св. Романа во время своего послѣдняго путешествія въ Италію. Бертранъ умеръ въ 1230 году и былъ погребенъ въ Оранжѣ въ одномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ у мощей его совершались чудеса. Въ 1427 году, по приказанію папы Мартина V, онѣ были перенесены въ доминиканскій монастырь, находящійся въ томъ же городѣ.

Тома былъ однимъ изъ знатныхъ жителей города Тулузы. Иорданъ Саксонскій называетъ его «человѣкомъ, исполненнымъ благодати и краснорѣчія»¹⁾. Онъ сталъ ученикомъ Доминика въ то же время, какъ и его согражданинъ Петръ Челлани, въ 1215 году.

Петръ Челлани, молодой, богатый, всѣми уважаемый, отличавшійся не только благородствомъ происхождения, но еще большимъ благородствомъ серд-

¹⁾ „*Vie de saint Dominique*“, ch. I.

ца, отдалъ одновременно Доминику и себя и домъ свой. Онъ былъ основателемъ монастыря въ Лиможѣ. Глубоко чтимый всѣми сошелъ онъ въ могилу въ 1259 году, выполнивъ въ самыя тяжелыя времена обязанность инквизитора, возложенную на него Григоріемъ IX.

Стефанъ изъ Метца жилъ съ Доминикомъ въ Каркассоннѣ, начиная съ 1213 года. Онъ былъ основателемъ монастыря въ Метцѣ, и отсюда то прозвище, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ исторіи.

О Ноэлѣ Пруильскомъ ничего замѣчательнаго неизвѣстно.

Одерихъ Нормандскій не былъ священникомъ; онъ былъ первымъ послушникомъ въ орденѣ.

Вотъ каковъ былъ въ то время французскій элементъ въ семьѣ доминиканцевъ. Несмотря на ихъ малочисленность, ихъ вліяніе такъ быстро и широко распространилось, что поистинѣ можно назвать Францію родиной и колыбелью Братьевъ Проповѣдниковъ. Французскія дѣвушки являются первыми, для кого Доминикъ основываетъ монастырь Пруильской Богоматери, эту колыбель своего ордена, а два француза, отдавшись ему, кладутъ основаніе монастырю св. Романа въ Тулузѣ. Матвѣй Французскій создаетъ монастырь св. Іакова въ Парижѣ; другой еще неизвѣстный намъ французъ положить основаніе монастырю св. Николая въ Болоньѣ. Вдумываясь въ предназначеніе Франціи, какимъ оно является намъ по ея территоріальному положенію, исторіи и духу, нетрудно будетъ понять, какое широкое участіе Богъ предоставилъ ей въ основаніи апостольскаго ордена. Французскій народъ сравниваютъ обыкновенно съ вономъ; по онъ является по преимуществу миссіо-

перомъ, ибо мечъ его—мечъ прозелита. Никто не принималъ большаго, чѣмъ онъ, участія въ распространеніи на Западѣ царства Христова, и, начиная со времени крестовыхъ походовъ, имя французъ и имя христіанина употреблялись безразлично на языкѣ народовъ Востока. Онъ получилъ при крещеніи даръ вѣры, равно какъ и даръ любви, и удивительное, вполне соответствующее его характеру положеніе открыло его побѣдамъ всѣхъ материковъ міра. Франція является кораблемъ, гаванью которому служить Европа, и корабль этотъ бросаетъ свой якорь во всѣхъ моряхъ. Надо ли удивляться тому, что Богъ рукой Доминика избралъ ее, какъ главное орудіе ордена, предназначеннаго къ вселенской дѣятельности? Чѣмъ не менѣе и Испанія не заслуживаетъ упрека въ невѣрности этому великому человѣку, котораго она вскормила въ нѣдрахъ своихъ, и, хотя въ то время она всецѣло отдалась терпѣливой и славной борьбѣ съ прежними властителями земли своей, она сумѣла пополнить духовную армію своего Гусмана слѣдующими почетными именами, а именно: Доминика Сеговійскаго, Суэро Гомеца, блаженнаго Маннеса, Михаила изъ Фабры, Михаила изъ Узера, Петра Мадридскаго, Іоанна Наварресскаго.

Доминикъ Сеговійскій былъ однимъ изъ самыхъ старинныхъ товарищей апостола Лангедока. Иорданъ Саксонскій называетъ его «человѣкомъ совершеннаго смиренія, малымъ въ наукѣ, великимъ въ добродѣтели». О немъ разсказываютъ, что однажды къ нему явилась безстыдная женщина, чтобы испытать его святость, тогда онъ легъ въ своей комнатѣ на горящіе уголья и сказалъ искусительницѣ: «Если ты,

дѣйствительно, любишь меня, то вотъ назначаю тебѣ время и мѣсто» 1).

Суэро Гомецъ былъ однимъ изъ главныхъ вельможъ при дворѣ короля Португальскаго Санчо I. На слухъ о крестовомъ походѣ противъ альбигойцевъ онъ явился въ Лангедокъ, гдѣ выступилъ, какъ рыцарь, за католиковъ. Но Богъ коснулся души его, и онъ повялъ, что существуетъ лучшее воинство, покинулъ все и сталъ проповѣдовать Христа словомъ и нестяжаніемъ. Онъ основалъ монастырь въ Сантаремѣ, на рѣкѣ Таго, въ нѣсколькихъ миляхъ выше Лиссабона. Король Альфонсъ II выказывалъ ему большое довѣріе. Онъ умеръ въ 1233 году; многіе историки почтили его именемъ святого.

Блаженный Маннесъ былъ братомъ св. Доминика. Никто не знаетъ въ какое время и какъ вступилъ онъ въ орденъ. Онъ умеръ около 1230 года и былъ погребенъ въ Гуміэль д'Изанѣ, въ могилѣ своихъ предковъ.

Михаилъ изъ Фабры былъ первымъ преподавателемъ богословія въ доминиканскомъ орденѣ. Онъ преподавалъ въ Парижскомъ монастырѣ, былъ проповѣдникомъ и духовникомъ короля Арагонскаго Іакова и основалъ испанскіе монастыри въ Майоркѣ и Валенсіи. Писатели прежнихъ лѣтъ восхваляютъ его апостольское рвеніе, заслуги въ войнѣ противъ мавровъ, тщаніе въ молитвѣ, въ созерцаніи и чудеса. Его прахъ покоился сперва въ общей гробницѣ братьевъ Валенсіи; но настоятель былъ извѣщенъ чудомъ о необходимости перенести его въ болѣе почетное мѣсто, и останки его были торжественно

1) Ibid.

положены въ монастырской часовнѣ, посвященной св. Петру мученику.

О Михаилѣ изъ Узоро и о Петрѣ Мадридскомъ ничего замѣчательнаго неизвѣстно.

Иоаннъ Наваррскій родился въ Сень-Жанъ-Пье-де-Поръ. Онъ вступилъ въ орденъ 28 августа 1216 года въ день, посвященный памяти св. Августина. Это единственный изъ первыхъ сотрудниковъ Доминика, который въ качествѣ свидѣтеля принималъ участіе въ процессѣ его канонизаціи, и его показаніе гласитъ даже, что онъ часто жилъ и путешествовалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ, въ этомъ первомъ поколѣніи доминиканцевъ течетъ также и капля англійской крови, какъ будто всѣ приморскіе народы Европы должны были заплатить ей дань свою. Преданнаго Доминику англичанина звали Лаврентіемъ.

Если велика была радость семьи Доминика при его возвращеніи, то и не меньшее удивленіе возбудило въ нихъ его рѣшеніе немедленно разсѣять стадо свое. Всѣ были убѣждены, что онъ долгое время продержитъ его въ монастырѣ въ святой неизвѣстности и въ научныхъ занятіяхъ. Что за странное намѣреніе нарушать единство столь слабаго еще тѣла? и чего можно ожидать отъ нѣсколькихъ человѣкъ, раскинутыхъ по дорогамъ Европы, въ то время, какъ слухъ охъ орденѣ туда не проникъ еще? Архіепископъ Нарбоннскій, епископъ Тулузскій, графъ де Монфоръ, всѣ тѣ, которые интересовались только что возникающимъ орденемъ, умоляли Доминика не рисковать его будущностью изъ преждевременнаго желанія приступить къ дѣлу. Но онъ, оставаясь

спокойнымъ и непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи, отвѣчалъ имъ: «Владыки и отцы мои, не противьтесь рѣшенію моему, ибо я знаю, что дѣлаю» 1). Онъ думалъ о видѣніи, представшемъ ему въ базиликѣ св. Петра, и въ ушахъ его звучали слова обоихъ апостоловъ: «Иди и проповѣдуй». Ему было дано еще другое извѣщеніе о близкой гибели графа де Монфоръ. Онъ увидѣлъ во снѣ большое дерево, покрывавшее землю вѣтвями своими и дававшее приютъ птицамъ небеснымъ, какъ вдругъ оно упало подъ неожиданнымъ ударомъ, и все, что находило приютъ въ тѣни его, разсѣялось. Когда такія таинственныя предзнаменованія посылаются Богомъ, Онъ даетъ и свѣтъ къ разумѣнію ихъ. Доминикъ понялъ, что это Монфоръ являлся деревомъ, паденіе котораго разрушитъ надежды католиковъ, и что неосторожно созидать на могилѣ. Ко всѣмъ этимъ откровеніямъ присоединялось еще человѣческое соображеніе вышшаго порядка, которое могло отратить его отъ совѣта друзей. Онъ думалъ, что дѣятельная жизнь скорѣе воспитаетъ апостола, чѣмъ жизнь созерцательная, и что орденъ его скорѣй разрастется, если онъ смѣло пошлетъ его туда, гдѣ сильнѣе всего волнуется духъ человѣческій. Онъ самъ привелъ ученикамъ своимъ этотъ доводъ, облекши его въ остроумный и поучительный образъ: «Сѣмя, — сказалъ онъ, — даетъ плодъ при посѣвѣ и слезивается въ кучѣ» 2).

Три города правили въ то время Европой: Римъ, Парижъ и Болонья—Римъ въ лицѣ своего перво-

1) „Actes de Bologne“, déposition de Jean de Navarre, n. 2.

2) Constantin d'Orvieto, n. 21;—le V. Humbert, n. 26.

священника, Парижъ и Болонья въ силу своихъ университетовъ, которые были сборнымъ пунктомъ для молодежи всѣхъ націй. Эти три города были избраны Доминикомъ, какъ резиденціи его ордена, и тотчасъ же туда были посланы группы доминиканцевъ. Но онъ не могъ также забыть и о родинѣ своей, хотя она и не принимала еще участія въ общемъ движеніи Европы, и не могъ покинуть Лангедока, которому выпало на долю счастье пользоваться плодами его трудовъ. Вотъ, слѣдовательно, какую онъ ставилъ себѣ задачу и какими средствами располагалъ къ ея осуществленію. Ему казалось довольно шестнадцати человѣкъ, чтобы сохранить Пруильскую обитель и Тулузу и занять Римъ, Парижъ, Болонью и Испанію. Но планы его не ограничивались только этимъ, онъ стремился, какъ мы уже видѣли, проповѣдовать Евангеліе невѣрнымъ по ту сторону моря; готовясь къ отплытію при первомъ же попутномъ вѣтрѣ, онъ сталъ отращивать себѣ бороду, по обычаю людей Востока. Вслѣдствіе той же предусмотрительности онъ пожелалъ, чтобы братья его избрали. въ каноническомъ порядкѣ кого-нибудь изъ среды своей, чтобы замѣщать его на время отсутствія. Когда онъ мысленно распредѣлялъ такимъ образомъ всѣ дѣла и вкусилъ въ теченіе нѣкотораго времени счастье совмѣстной жизни со всѣми своими, онъ созвалъ ихъ въ Пруильскій монастырь къ наступающему дню Успенія.

Въ тотъ день большая толпа народа тѣснилась у воротъ Пруильской обители. Одни были привлечены самымъ мѣстомъ, которое изстари являлось предметомъ народнаго почитанія, другихъ привлекло

любопытство; епископы же, рыцари и графъ де Монфоръ пришли сюда, побуждаемые любовью и преданностью. Доминикъ отслужилъ обѣдню у алтаря, являвшагося часто свидѣтелемъ его тайныхъ слезъ. Братья произнесли передъ нимъ торжественные обѣты, ибо до сихъ поръ они были связаны лишь постоянствомъ ихъ сердца или, по крайней мѣрѣ, только простыми обѣтами, и послѣ произнесенной для нихъ рѣчи Доминикъ обратился къ народу и сказалъ ему слѣдующее: «Уже много лѣтъ обращаюсь я къ вамъ съ кроткими увѣщаніями, проповѣдью, молитвой и слезами, но тамъ, гдѣ безсильно благословеніе, можно добиться кое-чего палкой,—такъ гласитъ испанская поговорка. И вотъ мы поднимемъ противъ васъ государей и прелатовъ, и увы! они вооружатъ противъ этой земли народы и государства, и многіе погибнутъ отъ меча; земли будутъ опустошены, и стѣны разрушены, и, горе вамъ! вы будете всѣ обращены въ рабство. Такъ поразитъ васъ палка, ибо безсильны были надъ вами кротость и благословеніе» 1). Это прощаніе Доминика съ неблагодарной землею, которую онъ въ теченіе 12-ти лѣтъ орошалъ своимъ потомъ, являются какъ бы завѣтомъ для тѣхъ, которые предали впослѣдствіи поруганію его память. Они разъ навсегда обрисовываютъ характеръ его апостольской дѣятельности, вся сила которой заключалась въ «кротости, проповѣди, молитвѣ и слезахъ». Содержащаяся въ словахъ его пророческая угроза напоминаетъ тономъ своимъ знаменитый плачъ Христа надъ Іерусалимомъ: «О, если бы и ты хотя въ сей

1) Manuscrit de Prouille, dans les monuments du couvent de Toulouse, par le Père Percin, p. 20, n. 47.

твой день узналъ, что служить къ миру твоему! но это скрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ; ибо придуть на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами и окружатъ тебя, и стѣснять тебя отовсюду, и разорять тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то что ты не узналъ времени посѣщенія твоего» 1). Доминикъ не говоритъ, что онъ самъ лично подниметъ государей и прелатовъ, но, не отдѣляя себя отъ всего христіанскаго міра, онъ имѣетъ въ виду лишь общую солидарность дѣйствій: «И вотъ мы поднимаемъ противъ васъ государей и прелатовъ!» Чуждый тому, что совершалось въ военномъ и судебномъ порядкѣ, онъ плачетъ надъ предстоящими бѣдами и уходитъ незапятнанной кровью; онъ покидаетъ Францію, а вмѣстѣ съ ней—арену событій и сраженій; онъ основываетъ монастыри въ Италіи, Франціи, Испаніи, и съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ, съ мѣшкомъ за плечами онъ проводитъ въ мирномъ строительствѣ остатокъ жизни, принесенной уже въ жертву.

Когда общественное торжество окончилось, Доминикъ сообщилъ братьямъ свои намѣренія относительно каждаго изъ нихъ. Гильомъ Кларетъ и Ноэль Пруйльскій должны были остаться въ монастырѣ Пруйльской Богоматери; Оома и Петръ Челлани—въ монастырѣ св. Романа въ Тулузѣ. Въ Испанію онъ назначилъ Доминика Сеговійскаго, Суэро Гомера, Михаила изъ Узера и Петра Мадридскаго. Въ Парижѣ были оставлены трое французовъ—Матвѣй Французскій, Бертранъ изъ Гаррига и Одерихъ Нормандскій, трое испанцевъ—блаженный

1) Луки, XIX, 42—44.

Маннесъ, Михаилъ изъ Фабры и Іоаннъ Наваррскій, и, кромѣ того, англичанинъ Лаврентій. Доминикъ взялъ съ собой только Стефана изъ Метца для основанія монастырей въ Римѣ и Болоньѣ. Передъ разлукой братья избрали аббатомъ или вѣрнѣе главою ордена, подъ верховной властью Доминика, Матвѣя Французскаго. Этимъ титуломъ, который заключалъ въ себѣ что-то величественное, ибо главы старинныхъ орденовъ достигали высокаго положенія, былъ облеченъ только Матвѣй Французскій, и титулъ этотъ исчезъ вмѣстѣ съ его смертью. Рѣшено было, что призванный къ общему управленію орденомъ Братьевъ Проповѣдниковъ будетъ носить болѣе скромное имя начальника ордена.

Этотъ раздѣлъ вселенной между нѣсколькими людьми уже самъ по себѣ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ; но чрезвычайность его была подчеркнута слѣдующими обстоятельствами. Новые апостолы отравились пѣшкомъ, безъ денегъ, лишеныя всякихъ человѣческихъ средствъ, при чемъ на нихъ возложена была миссія не только проповѣди, но и основанія монастырей. Только одинъ изъ нихъ Іоаннъ Наваррскій отказался отправиться въ путь при такихъ условіяхъ и попросилъ денегъ. Доминикъ, увидѣвъ, что одинъ изъ Братьевъ Проповѣдниковъ не вѣрять судьбы своей Провидѣнію, въ слезахъ бросился къ ногамъ этого маловѣрнаго. Но такъ какъ онъ не могъ побѣдить его недовѣрія къ Богу, то онъ велѣлъ вручить ему двѣнадцать динаріевъ.

Когда всѣ дѣла эти были совершены, ровно черезъ четыре года послѣ Мюретской битвы, 13 сентября 1217 года, старый графъ Раймондъ вернулъ въ Тулузу: дѣло аббата цистерціанскаго было разрушено, дѣло Божіе приведено было къ концу.

ГЛАВА XI.

Четвертое путешествіе св. Доминика въ Римъ.— Основаніе монастырей св. Сикста и св. Сабинь. —Сопровождавшія основаніе этихъ монастырей чудеса.

Доминикъ не покинулъ Лангедока тотчасъ же послѣ того, какъ братья его разошлись. Объ этомъ свидѣтельствуесть заключенный имъ 11 сентября слѣдующаго года договоръ относительно дарованныхъ ему еще раньше Фулькомъ десятинь. Надо было знать, какъ далеко простирается это право. Условлено было, что оно не будетъ простирается на тѣ приходы, населеніе которыхъ состоитъ менѣе, чѣмъ изъ десяти семействъ, а для того, чтобы уладить всѣ могущія возникнуть въ будущемъ затрудненія, будутъ избраны посредники. Покончивъ съ этимъ, Доминикъ пошелъ, по своему обыкновенію, гнѣшкомъ черезъ Альпы въ сопровожденіи одного только Стефана изъ Метца. Исторія теряетъ его изъ вида до Милана, гдѣ она снова находитъ его у воротъ коллегіальной церкви св. Назарія. Тамъ попросилъ онъ пріюта у канониковъ, которые приняли его, какъ одного изъ своихъ, увидѣвъ на немъ одежду каноника.

Первой его заботой по прибытіи въ Римъ было

присканіе подходящаго мѣста для основанія монастыря. У подножія горы Цѣлія къ югу, вдоль Аппіевой дороги, противъ гигантскихъ развалинъ Каракалловыхъ термъ, возвышалась старинная церковь, посвященная св. мученику папѣ Сиксту II. Пять другихъ папъ, тоже мучениковъ, покоились рядомъ съ нимъ въ этой гробницѣ. Къ этой церкви, заново передѣланной, были пристроены кельи, не вполне еще законченныя. Полное уединеніе, царившее въ церкви и въ обители, представляло контрастъ съ происходившими тамъ недавно работами, слѣды которыхъ лежали на всемъ. Видно было, что выполненіе замысла было прервано здѣсь какимъ-то внезапнымъ происшествіемъ. И дѣйствительно, реставрація этого древняго и стариннаго зданія была прервана смертью Иннокентія III. Онъ было предназначилъ этотъ монастырь для объединенія въ немъ подъ однимъ и тѣмъ же уставомъ слишкомъ свободно живущихъ въ Римѣ монаховъ. Доминикъ, ничего не знавшій объ этомъ, послѣшилъ попросить у папы эту церковь и этотъ монастырь. Гонорій III устно передалъ ему ихъ.

Въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ Доминикъ собралъ въ монастырѣ св. Сикста около ста монаховъ. До сихъ поръ все въ жизни его совершалось чрезвычайно медленно; теперь эта медлительность замѣнилась поразительной плодовитостью и быстрою. Этотъ человекъ, вступившій на истинное поприще своей жизни тридцати пяти лѣтъ отъ роду и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ успѣвшій пріобрѣсти всего шестнадцать учениковъ, пріобрѣталъ теперь ихъ въ огромномъ количествѣ; они падали къ ногамъ его, какъ падаютъ лѣтомъ спѣлыя колосья

подъ серпомъ жнеца. Да это и неудивительно, — таковъ законъ благодати и природы: долго сдерживаемая сила будетъ дѣйствовать съ тѣмъ большей мощью, чѣмъ дольше сдерживали ее оковы и плотины. Кромѣ того во всѣхъ дѣлахъ наступаетъ періодъ зрѣлости, который обезпечиваетъ имъ успѣхъ. Монастырю св. Сикста, расположенному на дорогѣ, по которой нѣкогда римскіе триумфаторы поднимались къ Капитолію, пришлось быть въ теченіе года свидѣтелемъ происшествій болѣе удивительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя во времена римскихъ полководцевъ обычно происходили на Аппіевой дорогѣ. Нигдѣ и никогда не обнаруживалъ Доминикъ съ болѣею силой дарованной ему Богомъ власти надъ душами, и никогда природа не повиновалась ему такъ почитательно и поспѣшно. Въ его жизни наступило время торжества.

Сперва надо было закончить постройку монастыря, во время которой Доминикъ сталъ снова проповѣдовать въ церквахъ и поучать въ папскомъ дворцѣ. Каждый день слово его давало ему новаго ученика, котораго онъ помѣщалъ въ жилой части монастыря. Каждый день выходилъ онъ утромъ съ посохомъ своимъ и вечеромъ возвращался съ добычей, и постройка духовнаго зданія двигалась вмѣстѣ съ постройкой зданія вещественнаго. Дьяволъ, завидуя успѣху его, захотѣлъ смутить его радость. Однажды, когда братья привели архитектора подъ сводъ, который надо было или сломать или подновить, сводъ обрушился, и обломками его былъ засыпанъ рабочій. Великая скорбь овладѣваетъ братьями, собравшимися вокругъ тѣла несчастнаго; они плачутъ о томъ, что душа застигнута врасплохъ неизвѣстно въ ка-

комъ состояніи, что въ народѣ распространятся неблагоприятныя слухи, и уныніе надолго лишаетъ ихъ способности предпринять что-нибудь. Въ это время появляется Доминикъ; онъ велитъ извлечь изуродованное тѣло изъ-подъ груды скрывшихъ его камней; его вытаскиваютъ. Онъ обращается съ молитвой къ Тому, Кто обѣщаль ни въ чемъ не отказывать горячей вѣрѣ, и, повинаясь молитвѣ его, оживаютъ лежащіе передъ нимъ окровавленные останки.

Въ другой разъ заболѣваетъ келарь монастыря Жакъ де Мелль и настолько серьезно, что надъ нимъ совершены были послѣднія таинства. Братья окружили его ложе, молитвой охраняя душу его, разстающуюся съ тѣломъ и скорбя о потерѣ столь важнаго имъ въ то время человѣка, ибо никто изъ нихъ не былъ такъ извѣстенъ въ Римѣ, какъ онъ. Доминикъ, видя скорбь дѣтей своихъ, велитъ всѣмъ выйти изъ комнаты, закрываетъ дверь и, оставшись наединѣ съ больнымъ, обращается къ Богу съ горячей молитвой, которая спасаетъ жизнь умирающему. Затѣмъ онъ зоветъ братьевъ своихъ и возвращаетъ его имъ живымъ и невредимымъ.

Обязанность монастырскаго келаря, возложенная на Жака де Мелль, заключалась въ заботахъ съ помощью Провидѣнія о нуждахъ монастыря св. Сикста, ибо доходовъ у монастыря не было. Братья жили собираемой изо дня въ день милостыней. Однажды, утромъ Жакъ де Мелль сообщилъ Доминику, что на обѣдъ ничего не осталось, кромѣ двухъ или трехъ хлѣбовъ. Это извѣстіе привело, казалось, Доминика въ восхищеніе. Онъ велѣлъ келарю раздѣлить это небольшое количество пищи

на сорокъ частей по числу братіи и звонить къ обѣду въ обычный часъ. Войдя въ трапезную, каждый нашель у своего мѣста кусокъ хлѣба; братья прочли молитву передъ обѣдомъ еще радостнѣе, чѣмъ всегда и сѣли за столъ. Доминикъ сидѣлъ на мѣстѣ настоятеля, и очи души его были устремлены къ Богу. Такъ прошло одно мгновеніе, и двое юношей въ бѣлыхъ одеждахъ появились въ трапезной и, подойдя къ столу, у котораго сидѣлъ Доминикъ, положили на него принесенные въ плащахъ хлѣбы.

То же чудо повторилось впоследствии при обстоятельствахъ, о которыхъ древніе памятники рассказываютъ намъ слѣдующее: «Однажды, когда братья жили еще близъ церкви св. Сикста, и число ихъ доходило до ста человекъ, блаженный Доминикъ велѣлъ брату Іоанну Калабрійскому и брату Альберту Римлянину идти въ городъ и просить милостыни. Но тщетно ходили они съ утра до третьяго часа дня и шли уже обратно домой, какъ у церкви св. Анастасіи имъ повстрѣчалась женщина, глубоко почитавшая ихъ орденъ; увидѣвъ, что они ничего не получили, она дала имъ хлѣбъ со словами: «Я не хочу, чтобы вы вернулись домой съ пустыми руками». Нѣсколько дальше къ нимъ подошелъ человекъ, который настоятельно сталъ просить ихъ о помощи. Они извинились передъ нимъ, говоря, что сами ничего не имѣютъ. Но такъ какъ человекъ этотъ просилъ все настойчивѣе, они сказали другъ другу: «Что мы сдѣлаемъ съ однимъ хлѣбомъ? Отдадимъ его этому человеку изъ любви къ Богу». Такимъ образомъ они отдали ему этотъ хлѣбъ и тотчасъ же потеряли его изъ виду. И вотъ, когда они возвраща-

лись въ монастырь, благочестивый отецъ ихъ, извѣщенный обо всемъ случившемся Духомъ Святымъ, вышелъ навстрѣчу къ нимъ и радостно сказалъ имъ: «Дѣти, ничего у васъ нѣтъ съ собой?»—«Ничего, отецъ», отвѣтили они ему.—И они рассказали обо всемъ случившемся, и какъ они отдали хлѣбъ бѣдняку. Онъ сказалъ имъ: «Это былъ ангель Господень; Господь сумѣетъ прокормить дѣтей своихъ; пойдемте на молитву».—Сказавъ это, онъ вошелъ въ церковь и, выйдя оттуда черезъ нѣкоторое время, велѣлъ созвать братію въ трапезную. Тѣ отвѣтили ему: «Но какъ же мы созовемъ ихъ, святой отецъ, разъ намъ нечѣмъ накормить ихъ?»—И они нарочно медлили исполнить его приказаніе. Тогда блаженный отецъ призвалъ келаря, брата Роджера, и велѣлъ ему созвать братію къ трапезѣ, ибо Господь позаботится о нуждахъ ихъ. Вотъ накрыли столы, поставили чаши, и по данному знаку всѣ собрались въ трапезную. Блаженный отецъ благословилъ трапезу, и когда всѣ усѣлись, братъ Генрихъ Римлянинъ сталъ читать. Между тѣмъ блаженный Доминикъ молился, сложивъ руки на столѣ,—и вотъ согласно данному имъ, по внушенію Св. Духа, обѣщанію, двое прекрасныхъ юношей, посланниковъ божественнаго Провидѣнія, появились среди трапезной. Они несли хлѣбы въ бѣлыхъ скатертяхъ, которыя свѣшивались у нихъ съ плечъ спереди и сзади. Они стали раздавать хлѣбъ сперва нижнимъ рядамъ, одинъ—направо, другой—налѣво, и положили передъ каждымъ братомъ по прекрасному хлѣбу. Затѣмъ, когда они дошли до блаженнаго Доминика и положили хлѣбъ и передъ нимъ, они склонили головы и исчезли, и никто до сихъ поръ не знаетъ, куда они ушли

и откуда приходили. Блаженный Доминикъ сказалъ своимъ братьямъ: «Братья, вкусите посланнаго вамъ Господомъ хлѣба».—Затѣмъ онъ велѣлъ прислуживающимъ братьямъ разлить вино. Но они отвѣтили: «Святой отецъ, вина нѣтъ».—Тогда, исполнившись пророческимъ духомъ, блаженный Доминикъ сказалъ имъ: «Пойдите къ бочкѣ и налейте братьямъ вина, которое послалъ имъ Господь».—И въ самомъ дѣлѣ они пошли и увидѣли, что бочка до краевъ наполнена великолѣпнымъ виномъ, которое они поспѣшили принести. И блаженный Доминикъ сказалъ: «Пейте, братья мои, вино, ниспосланное вамъ Господомъ».—И они ѣли и пили, сколько имъ было угодно и въ тотъ день, и завтра, и послѣзавтра. Но на третій день онъ велѣлъ раздать бѣднымъ все, что оставалось отъ хлѣба и вина, и не пожелалъ, чтобы остатокъ еще сохранялся. Въ теченіе этихъ трехъ дней никто не просилъ милостыни, потому что Господь прислалъ хлѣба и вина въ изобиліи. Затѣмъ блаженный отецъ сказалъ братьямъ прекрасную проповѣдь, въ которой убѣждалъ ихъ всегда уповать на Провидѣніе, даже въ величайшей бѣдности. Пріоръ монастыря, братъ Танкредъ, братъ Одонъ изъ монастыря св. Романа, братъ Генрихъ оттуда же, братъ Лаврентій Англійскій, братъ Годіонъ и братъ Іоаннъ изъ монастыря св. Романа и многіе другіе присутствовали при этомъ чудѣ, о которомъ они и рассказали сестрѣ Цециліи и другимъ сестрамъ, оставшимся еще въ монастырѣ св. Маріи по ту сторону Тибра. Они принесли имъ даже этого хлѣба и этого вина, и тѣ долгое время сохраняли ихъ, какъ реликвіи. А братъ Альбертъ, котораго блаженный Доминикъ послалъ съ товарищемъ просить милосты-

ни, былъ однимъ изъ двухъ братьевъ, которымъ, по предсказанію Доминика, суждено было умереть въ Римѣ. Другой же былъ братъ Григорій, мужъ, исполненный красоты и благодати. Первымъ вернулся къ Господу братъ Григорій, благоговѣнно принявъ Св. Тайны. Три дня спустя братъ Альбертъ, тоже, благоговѣнно приобщившись Св. Тайнъ, ушелъ изъ этой мрачной темницы въ небесные чертоги. 1).

Этотъ простодушный рассказъ даетъ намъ возможность проникнуть во внутреннюю жизнь монастыря св. Сикста и переносить насъ лучше всякихъ описаній въ первоначальныя времена существованія ордена. Изъ него видно, какъ воздвигались многочисленныя монастыри безъ золота и серебра; какъ вѣра восполняла недостатокъ имущества и какой чудесной простотой отличались эти люди, изъ которыхъ иные жили прежде во дворцахъ. Братъ Танкредъ, пріоръ монастыря св. Сикста, былъ знатнымъ рыцаремъ по рожденію и придворнымъ императора Фридриха II. Онъ находился въ Болоньѣ въ началѣ 1218 года, когда Доминикъ послалъ туда нѣсколько братьевъ, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и однажды, по непонятной для себя причинѣ, онъ сталъ думать о той опасности, которой онъ подвергается вѣчное спасеніе души своей. Смущенный этой внезапной мыслью, онъ обратился съ молитвой къ Пресвятой Дѣвѣ; слѣдующей ночью Она явилась къ нему во снѣ и сказала: «Вступи въ Мой орденъ»,—онъ проснулся и снова заснулъ. На этотъ разъ онъ увидалъ во снѣ двухъ людей въ одеждѣ Братьевъ-Проповѣдниковъ, и одинъ изъ нихъ, старикъ, сказалъ

1) Relation de la soeur Cécile, n. 3.

ему: «Ты просишь у Пресвятой Дѣвы, чтобы Она указала тебѣ путь къ спасенію: приди къ намъ, и ты будешь спасенъ» ²⁾. Танкредъ, которому одежда доминиканцевъ еще не была извѣстна, принялъ это лишь за сонъ. Онъ всталъ утромъ и попросилъ хозяина своего проводить его въ какую-нибудь церковь, чтобы присутствовать тамъ за обѣдней. Хозяинъ привелъ его въ маленькую церковь Св. Маріи Маскарильской, которая лишь недавно была предоставлена Братьямъ Провѣдникамъ. Войдя туда, онъ встрѣтилъ двухъ братьевъ, въ одномъ изъ нихъ онъ тотчасъ же узналъ старика, котораго видѣлъ во снѣ. Тогда онъ привелъ въ порядокъ свои дѣла, вступилъ въ орденъ и явился къ Доминику въ Римъ.

Братъ Генрихъ, о которомъ также идетъ рѣчь въ рассказѣ сестры Цециліи, былъ молодымъ благороднымъ римляниномъ. Его родители, негодуя на его вступленіе въ орденъ, рѣшились похитить его отсюда. Извѣщенный объ ихъ намѣреніи Доминикъ отправилъ молодого человѣка съ нѣсколькими товарищами по Номентанской дорогѣ. Но родители пустились въ погоню за нимъ и достигли берега Аньо, когда Генрихъ только что переправился черезъ него. Опъ, видя, что ему грозитъ опасность быть настигнутымъ, вознесъ сердце свое къ Богу и поручилъ себя Его защитѣ во имя заслугъ служителя Божія Доминика. Тотчасъ же воды потока замѣтно поднялись, и находившіеся по ту сторону всадники тщетно пытались его переплыть. Когда они удалились, Генрихъ спокойно вернулся въ монастырь св. Сикста.

Братъ Лаврентій Англійскій, бывшій также сви-

¹⁾ Gérard de Frachet, „Vie des Frères“, liv. IV, chap. 14.

дѣтелемъ чуда съ хлѣбами, былъ отосланъ Доминикомъ въ Парижъ, когда братья разошлись по разнымъ странамъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ вернулся отсюда съ Иоанномъ Наваррскимъ. Два другихъ брата, Доминикъ Сеговійскій и Михаилъ изъ Узера, тоже вернулись изъ Испаніи, ничего не совершивъ.

Тѣмъ временемъ Гонорій III вернулся къ намѣренію своего предшественника, желавшаго собрать въ одинъ монастырь подъ однимъ уставомъ монахинь, живущихъ въ Римѣ въ разныхъ монастыряхъ, и онъ сообщилъ объ этомъ Доминику, который лучше всѣхъ могъ довести до конца такое трудное дѣло. Доминикъ тѣмъ охотнѣе принялъ предложеніе папы, что оно давало ему возможность возстановить монастырь св. Сикста въ его первоначальномъ назначеніи и основать въ немъ общину монахинь доминиканокъ, по образу монастыря Богоматери Пруильской. Онъ попросилъ только, чтобы ему назначили въ помощники кардиналовъ, которые бы своимъ авторитетомъ могли помочь ему. Папа назначилъ трехъ кардиналовъ: Уголино, епископа Остійскаго, Стефана изъ Фоссапуова и Николая, епископа Тускуланскаго. А вмѣсто монастыря св. Сикста онъ предоставилъ ему церковь и монастырь св. Сабины на Авентинскомъ холмѣ рядомъ со своимъ собственнымъ дворцомъ. Такимъ образомъ, какъ въ монастырѣ св. Сабины, такъ и въ монастырѣ св. Сикста совершались приготовленія— въ одномъ для принятія сестеръ, въ другомъ— для переселенія туда братьевъ.

Заятый этими двумя дѣлами Доминикъ тѣмъ не менѣе не переставалъ проповѣдовать. Однажды, когда ему предстояло произнести проповѣдь въ церкви св. Марка, одна женщина, у которой былъ боленъ